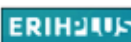
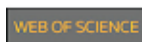

Кидирниязов Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков / Д. С. Кидирниязов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 398—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416.

Kidirmiyazov, D. S. (2022). Land-Legal Relations and Sedentarization of Nogais in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 398-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416

Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович
orcid/0000-0002-9511-9092
доктор исторических наук, профессор ¹
приглашенный исследователь ²
daniyal2006@rambler.ru

¹ Институт истории, археологии
и этнографии — обособленное
подразделение Федерального
государственного бюджетного учреждения
науки Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской
академии наук
(Махачкала, Россия)

² Калмыцкий государственный
университет им. Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 22-18-00313

Land-Legal Relations and Sedentarization of Nogais in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Daniyal S. Kidirniyazov
orcid/0000-0002-95-11-9092
Doctor of History, Professor¹,
Visiting Researcher²
daniyal2006@rambler.ru

¹ Institute of History, Archeology
and Ethnography of the Dagestan Federal
Research Center of the Russian
Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia)

² Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313

© Кидирниязов Д. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных материалов и специальной исторической литературы рассматриваются земельно-правовые отношения у ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы заключается в том, что земельно-правовые отношения у ногайцев региона являются малоизученными. Автор статьи с объективных позиций, с учетом достижений отечественного казаведения на основе глубокого изучения, анализа и обобщения архивных материалов ставит целью показать способы реализации аграрной политики российским правительством в Восточном Предкавказье на примере ногайцев; среди этих способов заметное место занимало административное давление. Автор приходит к выводу, что, несмотря на трудности, аграрная реформа на территории равнинного Предкавказья предопределила переход значительной части представителей ногайской общины к оседлому земледелию и животноводству. Иными словами, в ходе аграрной реформы ногайская община претерпела значительную трансформацию. Методологическую и теоретическую основу статьи составили основные принципы исторической науки: объективность, научность и историзм, предполагающие изучение исторических событий и фактов в конкретных исторических условиях, рассмотрение их в сравнительно-историческом плане.

Ключевые слова:

земельно-правовые отношения; Кавказская война; модернизация; ногайцы; Предкавказье; реформы; Российская империя; трансформация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival materials and special historical literature, land-legal relations among the Nogais in the second half of the 19th — early 20th centuries are considered. The relevance of the problem stated in the article lies in the fact that land and legal relations among the Nogais of the region are poorly understood. The ways of implementing the agrarian policy of the Russian government in the Eastern Ciscaucasia are described on the example of the Nogais. It is argued that administrative pressure occupied a prominent place among the methods of influencing the nomadic population. It is noted that at the same time, financial assistance played a significant role in attracting nomadic Nogais to a settled way of life. It is clarified that finances played a role in attracting the poor population to change their lifestyle. It is concluded that, despite the difficulties, the agrarian reform in the territory of the plain Ciscaucasia predetermined the transition of a significant part of the representatives of the Nogai community to settled agriculture and animal husbandry. It is emphasized that in the course of the agrarian reform the Nogai community has undergone a significant transformation. It is noted that a smaller part of the Nogai society still retained a nomadic lifestyle, but for short distances.

Key words:

land and legal relations; Caucasian war; modernization; Nogais; Ciscaucasia; reforms; Russian empire; transformation.

Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков

© Кидирнязов Д. С., 2022

1. Введение = Introduction

Источниковедение и историография вопроса земельно-правовых отношений у народов Предкавказья на примере ногайцев — актуальные направления научных исследований, связанные с изучением кавказского вектора политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков.

В настоящее время в отечественной исторической науке наметилась тенденция к новому осмыслению земельно-правовой политики России на Северном Кавказе, в частности в равнинной зоне региона, пересмотру и к расширению отдельных тематических сюжетов, относящихся к истории исследуемой проблемы. В отечественной историографии рассматриваемому периоду посвящены труды ряда отечественных историков [Фарфоровский, 1909; Щеглов, 1910—1911; Невская, 1959; Калмыков и др., 1988 и др.].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Системный подход к исследованию обозначенной проблемы обусловил необходимость применения следующих методов исследования. Обще-научные методы исследования представлены историческим и логическим методами. Исторический метод позволил объективно исследовать вопросы земельно-правовых отношений ногайцев в хронологическом развитии на протяжении всего рассматриваемого периода. Логический метод дал возможность прийти к выводам, согласно которым имперские власти в решении земельно-правовых отношений, начиная со второй половины XIX века, достигли ощутимых результатов в плане модернизации общественно-экономической жизни, в частности, в осуществлении аграрной реформы. Из специально-исторических методов научного исследования автором в статье применен сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть обозначенную проблему последовательно, установить причинно-следственные внутренние и внешние связи.

Источниковедческую базу настоящей статьи составили материалы фондов Государственного архива Ставропольского края [ГАСК; Прозри-телев]. Архивные материалы указанных фондов нами использованы в качестве источников по истории земельно-правовых отношений у ногайцев.

На основе анализа материалов фондов Государственного архива Ставропольского края и Ставропольского государственного краеведческого музея мы рассмотрим трансформацию земельно-правовых отношений ногайцев края во второй половине XIX — начале XX веков.

2.1. «Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитавших в Ставропольской губернии» (1853)

Вторая половина XIX столетия отмечена судьбоносными событиями, нашедшими отражение в истории развития ногайского народа. Так, 1864 год рассматривается как год окончания народно-освободительной борьбы горцев, характеризующейся значительной продолжительностью и тяжестью самого освободительного процесса. Завершение Кавказской войны, безусловно, стало причиной того, что юрисдикция Российской империи стала расширяться и способствовала более тесному сближению ногайцев с русским населением, тогда как в начале XIX века вхождение горского народа в состав России практически не повлияло на становление и развитие его социальной и экономической сфер. Кроме того, народно-освободительное движение ногайцев оказало прямое влияние на активизацию колониального захвата имперскими властями территории равнинного Предкавказья. Также результатом Кавказской войны стал переход местного населения в состав Османской империи.

Российское государство претерпевало в 60-х годах XIX столетия глобальные изменения в аспекте экономических и общественных обновлений, в которых основной акцент был сделан на проведение земельной реформы как наиболее важной и значимой [Магомаев и др., 2017, с. 299].

Необходимо подчеркнуть, что буржуазные реформы в России были обусловлены распадом существовавшего тогда феодально-крепостнического строя. Натуральное хозяйство, развивающееся в изолированной и замкнутой системе, терпит застой, приведший его к ожидаемому упадку. Ограниченность данного вида экономической системы не соответствовала (и даже противоречила) требованиям активно развивающегося экономического рынка в России. Эти противоречия отрицательно сказались на развитии территории равнинного Предкавказья, поскольку именно медленное заселение приобретенных земель и использование недр явились в то время значимыми причинами, которые затрудняли процесс внедрения в общероссийский экономический процесс районов, заселенных ногайцами и соседними этносами.

Русский капитализм с его политическими приоритетами обусловил изменения буржуазного характера на Северном Кавказе, что явилось отличительной характеристикой подобных региональных преобразований,

поскольку в центральных губерниях определяющую роль сыграли экономические факторы.

Рассматриваемый период (II половина XIX века) обозначен как важный этап осуществления исторически значимых реформ. Несмотря на то, что реформа в аграрной сфере стала неотъемлемой частью действий, связанных с важнейшей перестройкой в стране в целом, она явилась одновременно причиной конфликта земельных интересов в некоторых областях России, в том числе и на юге страны. Так, представители восточнославянского региона, населяющие центральные районы, начали переселяться в места кочевки ногайцев, в степное Предкавказье.

Колонизация Северного Кавказа, получившая достаточно активное развитие после проведенной в регионе реформы, стала предметом исследования в работе ставропольского ученого П. А. Щацкого: «... огромный поток крестьян центрально-черноземных губерний России и левобережных украинских губерний, обезземеленных реформой 1861 года, хлынул главным образом в Предкавказье ...» [Щацкий, 1970, с. 13].

Границы кочевого пространства в результате колонизации стали сужаться. Основное внимание российского правительства было сосредоточено на «перевосе» ногайского народа к оседлости за счет выделения земельных участков для постоянного проживания. Распределение земли зависело от статуса претендентов. Так, некоторое преимущество в сравнении с крестьянами центральных поселений было у ногайцев, принявших оседлость как образ жизни, потому что продуктивное содержание скота возможно было лишь на больших территориях. В расчете на душу мужского населения выделялось государственным крестьянам 15 десятин земельного надела, тогда как оседлым ногайцам — 30 десятин. Кроме того, власти страны были заинтересованы в развитии земельной реформы номадов, что тем не менее не смогло привести к активизации и глобальным преобразованиям в аграрной сфере ногайцев.

В середине мая 1853 года было утверждено «Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитавших в Ставропольской губернии». Следование данному документу требовало наличия межевой Комиссии, которую в результате организовали в Ставрополе и наделили определенными функциями. Однако не были учтены некоторые ключевые моменты, в частности, численность мужского населения, что подтверждается параграфом 69 принятого Положения. Вместе с тем комиссия должна была провести земельное размежевание с целью отделения территории магометан от территорий, принадлежащих, например, помещикам или представителям военной касты. Количество наделов необходимо было зафиксировать посредством приме-

нения экономической съемки, причем в соответствии с нуждами народа или аула. Затем созданный проект следовало подать Главнокомандующему на рассмотрение и утверждение. В результате принятых мер и выявления необходимого земельного фонда для оседлых поселений образовались «свободные» земли. Комиссии было также поручено эту землю «предоставить в нераздельное пользование тем магометанам, которые не имеют еще никакой оседлости со стадами своими переходя с места на место» [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 1870, л. 12].

Все, что предпринималось в начале XIX столетия Российской империей, не имело какого-либо значимого результата для ногайцев и развития их земельных отношений. В силу названных обстоятельств ногайцы (караногайцы, едишкульцы) и трухмены были вынуждены прибегать к использованию одних и тех же территорий во время кочевки.

2.2. Реализация межевой политики имперских властей в Восточном Предкавказье

Проблема разделения кочевых земель среди представителей «иноного рода» осталась актуальной, но при этом так же неразрешимой и в работе следующих земельных комиссий. Изучение образа жизни ногайцев и родственных этносов позволяет утверждать, что они на протяжении веков вели совместное кочевание, и это непосредственно отражено в Акте «О разграничении инородческих земель Ставропольской губернии», поскольку предоставление земли даже одному из горских народов в отдельно-единоличное пользование ни на одном уровне власти в то время не поддерживалось.

Однако следует отметить, что степные земли отличаются особым составом и практически повсеместным отсутствием воды и растительности. Именно данный факт дает основание говорить об определенных сложностях процесса земельного разделения. При этом даже та часть степи, где что-то произрастает (то есть может использоваться для корма скота), с течением времени приходит в упадок вследствие редких осадков и постепенного наступления песков. А это значит, что ногайцы и их соседи не имеют возможности прокормить скот, находясь на одном месте, поэтому и придерживаются кочевого образа жизни. Однако необходимо особо поддерживать кочевников в холодное время года, выделив корм для скота и стоянку для постоянного пребывания в одном месте, например, «берега реки Кумы, овраг Чебутла и вообще местности, покрытые камышом, который до некоторой степени может служить защитой от холодных зимних ветров» [Там же, л. 99].

Итак, ногайцы для поддержания своей жизнеспособности и жизнеобеспечения не могли постоянно пользоваться ресурсами одной террито-

рии. Необходимо отметить важное решение российской администрации, суть которого заключалась в переводе земельных наделов в собственность представителей тех народов, которые живут оседло в Аксаевском, Эндреевском и Ногайском участках — 5106 семей — по 28 дес. на семью, для чего было необходимо около 143 тыс. дес., а для кочующих ногайцев (1555 семей) по 36 дес., что составляет около 56 тыс. дес., а всего 199 тыс. дес. земли [Гаврилов, 1868, с. 43—44].

1888 год ознаменован тем, что было проведено разграничение земель, относящихся к Ставропольской и Терской территориям, что в свою очередь стало основанием для возникновения острых земельных споров между караногайцами и трухменами относительно пастбищных угодий. В связи с этим российская администрация спустя 9 лет (в 1897 году) приняла решение о создании другой межевой комиссии.

Как мы видим, итогом административной реформы, предпринятой в 88-ом году XIX столетия, стал перевод Караногайского приставства под управление Терской области. Однако реформаторы не обратили внимания на то, что и караногайцы, и трухмены придерживались совместного кочевания, то есть одновременного нахождения на одной территории. Кроме того, исследовательский интерес к процессу аграрных преобразований рассматриваемого периода связан и с бытом кочевников, и с состоянием пастбищных территорий, что дает возможность определения еще одного обстоятельства в сложности земельного разделения. Так, для содержания и полноценного корма скота необходимо было ногайскому народу иметь отдельные стойбища, соответствующие времени года (особенно значимы зимние пастбища). А так как такой возможности у кочевников не было, они нарушали земельные границы, проникая вместе со скотом в чужие владения: «Таким образом, создавались так называемые места совместного кочевания» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1619 а, л. 127].

Немаловажен и тот факт, что земельные споры и неурядицы между ногайцами, караногайцами и трухменами отсутствовали до 1888 года, до того момента, когда Караногайское приставство отошло Терской области. Данное обстоятельство объясняется тем, что названные народы издавна состояли в ведении одного губернского управления. Вместе с тем в последующие годы основной задачей в деятельности межевых комиссий (1898, 1904) стал отход и даже искоренение совместной кочевки инородцев Терской области и Ставропольской губернии [Там же, л. 327]. При этом обозначенный подход к решению проблемы перехода к оседлости никак не повлиял на процесс закрепления владения землей ногайцами и другими народностями.

Существенные изменения произошли лишь в начале XX столетия (декабрь 1908 года), когда уменьшилось количество земельных наделов, ис-

пользующихся для совместного ведения хозяйства [Там же]. В отношении этого периода уместно было заметить, что «кочевой образ жизни инородцев степной полосы находится в периоде распада» [Там же].

Вполне закономерно, что под влиянием определенных экономических изменений начался постепенный, последовательный переход ногайцев к оседлому образу жизни, более активным процесс стал после определения границ между Ставропольской губернией и Терской областью, когда «общая площадь земель кочевых народностей ... в количестве 2,023,540 десятин ... распределяется между отдельными народностями. Таким образом, в пользование трухмен остается 810.880 десятин, ногайцев (едишанцев, едишкульцев и джембойлуковцев) 307,140 дес. и ногайцев Терской области — 905520 дес.» [Там же]. Из этого можно заключить, что распоряжаться чужими владениями с весны 1910 года планировалось прекратить. Перераспределение земли среди ногайского населения можно показать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Перераспределение земли среди ногайского населения

Название народности кочевников Ставропольской губернии и Терской области	Общая площадь земель, бывшая в пользовании до установления комиссией пограничной линии		Общая площадь земель, остающихся в пользовании до установления комиссией пограничной границы			Примечание
	в полосе «безспорного» пользования	в границах спорной полосы	в полосе безспорного пользования	в полосе спорной совместно с кочевниками	Всего	
Туркмены	797414		797417	134638	10880	Из земельного надела караногайцев Терской области выделено в надел калмыкам между реками Кумой и Гайдук-ом около 87000 десятин
Караногайцы и ногайцы	820057	48456	820057	85463	905520	
Ногайцы: джембойлуовцы, едишанцы, едишкульцы	262330	95280	262330	44810	307140	
Итого	1879804	143736	1879804	143736	2023540	

Как видим, ногайцам предоставляли землю в значительных размерах.

1 мая 1910 года также стало переломным этапом в судьбе ногайцев, так как с этого времени использование не своих земельных наделов планировали полностью запретить. Параллельно с работой межевых комиссий в части реализации земельной реформы активизировался процесс принятия оседлости кочевниками, характеризующийся прежде всего отсутствием давления со стороны администрации.

Полномочия, возлагаемые на главного пристава, вменяли ему в обязанность донести мысль до частных приставов о необходимости перехода ногайского народа к оседлости. А согласно документальным материалам, приведенным в статье, можно отметить, что подобные действия и мероприятия не характеризовались принудительностью. Социальное и экономическое развитие региона также повлияло на осуществление перехода к оседлому образу жизни. Так, в результате проведения в 1860-х годах реформаторских преобразований русские и украинские крестьяне обрели свободу, но одновременно стали остро нуждаться в земельных угодьях, поэтому началось их массовое переселение на территорию Предкавказья, образование русских сел и станиц вокруг ногайских кочевий. Такой «захват» территории (продолжающаяся колонизация горского края восточными славянами) отрицательно сказался на развитии и благополучии ногайского общества, так как произошло уменьшение поголовья скота, издавна являющегося основным источником жизнедеятельности и богатства кочевников.

Административная власть, стараясь ускоренными темпами привести к оседлости все ногайское население, в то же время понимая несостоятельность насильственного отторжения горцев от привычного образа жизни, избрала тактику информирования, убеждения и добровольности. В тексте обращения к ставропольскому губернатору подчеркивалось, что оседлыми могут стать те, «которые добровольно изъявляют на то свое согласие» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 94 а, л. 32]. Данный факт обусловил пересмотр отношения к образу жизни кочевников.

В то же время, несмотря на принятые меры, в некоторых районах (например, в Джеймболуйковском пристастве, в Канглыном кубе) часть жителей-ногайцев прямо выражали, отвергая преимущества оседлости, нежелание заниматься земледелием. Исходя из этого, можно заключить, что на этапе переходности ногайцев и соседних народов от одного вида жизнедеятельности к другому русские власти столкнулись с неприятием, а потому перешли к более строгим и действенным мерам. Например, в соответствии с принятыми решениями лицам, выступавшим против оседлости ногайцев и ложно информировавшим о том, что их отнесут к русскому крестьянству, грозило наказание — сибирская ссылка.

При этом русская администрация применила наказание в отношении нескольких представителей ногойской общины, которые ратовали за исконно горский образ жизни. Так, «два ногойца высланы во внутренние губернии, а четыре ногойца из Ачикулак-Джембойлуковского народа выдержаны под арестом полтора месяца» [Там же, л. 33]. В то же время обращение власти непосредственно к представителям ногойского этноса указывало на то, что «они останутся при прежних правах и преимуществах своих...» [Там же, л. 31].

Непрятие оседлой жизни имело место и в среде зажиточных ногойцев, что также представляло определенную трудность в реализации государственной политики, поскольку богатые горцы непосредственно влияли на тех, кто ниже их рангом, слепо им верил и испытывал страх, «боясь гонения сильных в народе» [Там же, л. 13].

Байгуши — беднейшие представители ногойского этноса — находились в прямой зависимости от зажиточных земляков, поскольку нанимались к ним в услужение. Поэтому объяснимо, что байгуши, в отличие от состоятельных ногойцев, не желающих переходить к иному образу жизни, ратовали за ведение земледельческого хозяйства. Кроме того, основной пласт народности жил очень бедно, «именно добыванием медного гроша» [Там же, л. 40].

Данная ситуация была доподлинно известна российской власти, которая приняла решение об оказании безвозмездной материальной помощи поддерживающим ее ногойцам. Так, исторически значимым стало решение наместника Кавказа «О выдаче беднейшим из ногойцев Ставропольской губернии, которые пожелают оседло водвориться в пособие на первоначальное обзаведение по 10 руб. на семейство без возврата, с отнесением этого расхода на свободный магометанский капитал» [Там же].

Безусловно, работа на земле, ведение данного хозяйства подразумевали наличие конкретных трудовых умений и навыков. Следовательно, ногойцы могли получить земельный надел только в случае, «если правильно будут обрабатывать землю под хлебопашество и сенокосение, если будут разводить сады и рощи и если ими устроены будут усадьбы» [Там же]. В данном аспекте определенный круг ученых дореволюционного времени ставил под сомнение значимость и результат проведенных начальных мер приобщения местного населения к оседлому образу жизни. Например, исследователь Прозрителев не только подчеркивал нарушение условий пользования землей, но и указывал на их нецелесообразность: «Поселение было только номинальное, а в действительности положение оставалось прежнее» [Прозрителев, ф. 2. д. 61, л. 7].

Но документальные материалы содержат пункты, отражающие суть политики, направленной на вовлечение этноса в переход от кочевого

к оседлому образу жизни, а также демонстрируют меры российской администрации, принятые для достижения поставленной цели.

Важным шагом в решении вопроса стала организация в приставствах общественных фондов, средства которых шли на поддержку ногойского земледелия и приобретение орудия труда. Все это стало возможным благодаря инициативе местной администрации. Таким образом, слаженность и совокупность обозначенных действий, а именно: выплата пособия в размере 10-ти рублей (безвозмездная), льготное распределение земли между ногойцами, денежное вложение — стали основой еще одного такого важного преобразования, как постоянные населенные пункты.

Однако все же представители ногойского народа на тот момент не имели даже начальных навыков обращения с сельскохозяйственным орудием, не могли работать на земле, обрабатывать ее. Российские власти были осведомлены об этом и поэтому решили преодолеть возникшие трудности, используя знания и умения русских крестьян, прибегнув к их непосредственной помощи. «За неимением быков и земледельческих орудий, распахивали народную землю — совместно с жителями окрестных селений, платя в пользу общественного капитала половинную противу положенной за распашку сумму» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 218, л. 13]. Необходимо отметить, что близость восточнославянского населения (русские и украинцы) способствовала обустройству хозяйства перешедших к оседлому образу жизни ногойцев.

Кроме того, необходимо выделить в деятельности по вовлечению кочевников в процесс оседлости приговоры ногойских обществ. Они датируются началом 60-х годов XIX века. Так, например, последовали приговоры ачикулакских ногойцев, содержащие готовность «селиться в округе Бий Тюбе» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 21]. В конце каждого приговора стоят подписи и отпечатки пальцев членов общества. В 1861 году Меситский куб изъявил желание поселиться на Камыш-буруне и построить кирпичные дома. За ними последовали Шеклы́йский и Карарю́мский кубы, которые поселились от Озек-Суата до Келякойского Кутка. Остальная часть Карарю́мского куба решила «поселиться на Уш-тюбе, начиная от Кулак-кую до Курагана Оргали-Тюбе, где мы давно пользуемся пастьбою скота и покосами сена» [Там же, л. 47]. Подобных примеров можно привести достаточно, чтобы сделать вывод о стремлении большинства ногойцев к оседлости. Правда, иногда в документах фиксируется сопротивление части ногойцев к оседлому образу жизни, в частности Канглы́йского куба. Позже и этот род склонится к оседлому образу жизни [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 94 а, л. 35].

Немаловажными представляются и тухумно-родственные связи ногойцев, поскольку именно такие отношения явились организующим началом их жизнедеятельности в оседлых поселениях. Например, в приговорах ча-

сто фигурирует понятие «куб» — родовое подразделение. В этом случае весь род изъяснял желание перейти к сельскому хозяйству, так как с давних времен использует эту землю в качестве кочевого пристанища, а теперь хочет жить на ней постоянно.

Следует отметить исторически сложившуюся особенность построения ногойской общины: горцы сосуществовали в составе целого рода — группы семей, связанных общим хозяйством, а также экономическими и социальными интересами. Со временем патронимия ногойцев претерпела существенные изменения, организовавшись в соседскую общину по территориальному признаку с родовыми пережитками.

Состоятельные ногойцы, что отмечено нами ранее, всегда были подвержены страху остаться без дешевой наемной рабочей силы, и это обстоятельство вызывало в них яростный протест против перехода к оседлости. Кроме того, их пугало и то, что оседлые соплеменники не смогут сдавать в аренду территорию, «которую им отведут для хлебопашества» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 131].

Сложность хозяйственного быта заключалась и в самой земле, поскольку она в большей части была сухой и неплодородной, следовательно, не было возможности полноценно заниматься земледелием. Так, в обращении главного пристава к Ставропольскому гражданскому губернатору указывалось, что «народы Ачикулак — Джембойлуковского пристава ... 12 143 души и караногойцев 19 234 души, — крайне нуждаются в земле, в которой в их владении находится только около 1 800 000 десятин — и большею частью песков» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 194, л. 9].

Таким образом, на 31 377 ногойцев приходилось 1 800 000 дес., или 57,37 дес. на одну душу не совсем пригодной для занятия земледелием земли. Спрос на земельные участки был очень велик, так как большое количество овцеводов — тавричан — хлынуло в Ставропольскую губернию, вдобавок к этому местные крестьяне постоянно увеличивали свои запашки. Арендная плата была незначительной, поэтому русские крестьяне набирали сразу по несколько наделов.

На рубеже XIX—XX веков активно практиковалось использование земли как арендованных участков. Примечательно, что пристав ногойского общества всегда обнародовал формы аренды, а бедняки, получив землю в пользование, осознавали, что не в состоянии ее содержать и обрабатывать, поэтому «раздавали таковую под распахку крестьянам соседних сел или с третьей борозды, или совершенно продавали, получая за свои три десятины не больше 15 рублей за два посева» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1453, л. 42]. Однако от такого распределения местное население страдало более всего, потому что вынужденная земельная аренда у зажиточного слоя

ногайцев способствовала тому, что они оказывались связанными с ними невыносимыми кабальными договоренностями.

Следует подчеркнуть, что ногойцы-бедняки из-за невозможности вносить плату за пользование земель оказались в ситуации зависимости и кабальных отношений. Именно этот факт отразился во мнении В. П. Невской, считающей, что наемный труд дороже, нежели труд на арендованных территориях [Невская, 1959, с. 195]. Однако такое положение усугублялось и тем, что бедствующий ногоец арендовал не только надел, но и животных, и орудие труда.

После раздела пашни 792 (76,7 %) ногоайские семьи Ачикулакского приставства сдавали свои земли в аренду русским крестьянам ближайших сел: Правокумского, Урожайного, Степного и т. д. Так, в 1907 году едисанцы сдали в аренду 12 062 дес. (64 % всей пашни), жители с. Камыш-Бурун — 1094 (36,5 %), с. Ильяс-Кишлау — 1025 (45 %). Более 1600 дес. пашен были арендованы самыми бедными ногойцами у своих же сородичей [Щеглов, 1910, т. 1, с. 418].

Нужно сказать, что существовало несколько видов арендной платы. Обычно пахотную землю сдавали на один-два и более посевов, в том числе за деньги — 82 %, исполу — 9,5 %, за деньги с доплатой натурой — 7,9 %. Так, в начале XX столетия арендная плата за дес. земли под пашню на 1 посев составляла около 2 руб. 50 коп., на 3 посева — 1 руб. 88 коп. [Там же].

До 50 % оседлых ногойцев Ачикулакского приставства вынуждены были сдавать в аренду и сенокосные угодья. В аренду сдавалась 3520 дес., или 55 % общей площади сенокосов. Из них 2194 дес. арендовали сами ногойцы. Форма сдачи в аренду была следующая: исполу — 77,4 %, за деньги — 20,2 % и только 2,4 % за деньги с доплатой натурой. Арендная плата за дес. составляла около 1 руб. 14 коп. [Там же, с. 419].

Соглашения по аренде земельных наделов в некоторых случаях были прерогативой лишь отдельных представителей ногоайских джамаатов, которые придерживались прежде всего личных интересов и не всегда были честны с остальными. Соответственно, сделки осуществлялись без согласования с ногоайскими джамаатами. Поэтому вполне закономерно в последующее время изменение характера и условий земельной аренды.

На примере приговора 1881 года одного из ногоайских обществ «О порядке пользования землей, отведенной Едисанскому обществу» можно выделить следующие требования-условия по внесению денежных средств:

- в расчете 3 рубля за стог сена общество разрешало другим горцам пользоваться наделом;

- в расчете 40-ка коп. в год за лошадь и КРС позволяло пасти скот на их земле;

— в расчете 2 рубля за 10 соток земельного надела давало право заниматься возделыванием-распашкой территории и др. [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 872, л. 8].

Таким образом, оговоренные условия препятствовали неконтролируемому использованию земель ногайцев.

Однако вопреки принимаемым российской администрацией мерам со стороны ногайской общины не наблюдалась желаемая активность по переходу к оседлости. Данное обстоятельство послужило причиной обращения к главному приставу ставропольского гражданского губернатора, сетовавшего, что «из всех инородцев вверенного вам управления не приняла еще и одна десятая часть оседлого водворения» [Там же, д. 55, л. 181].

В связи с этим первоочередной задачей становится усиление работы в обозначенном направлении, поэтому российские власти приняли решение выделить, определить земельные наделы для постоянного поселения ногайского этноса. Выполнение такого межевания было поручено землемеру управления кочевыми народами, который позже отчитался о «всего на 83100 дес. окончательно обмежеванных» [Там же, д. 106, л. 1].

В итоге благодаря проведенному межеванию было организовано 12 поселений, однако при этом запретили тем, кто принял оседлость, «образовывать новые аулы [Там же, д. 329, л. 115]. Постоянное место проживания бывших кочевников российская администрация разделила на 3 основные части или категории. Так, поселенными в 1878 году считались территории — аулы — Трухменского, Ачикулакского и Караногайского приставств. Главный пристав проинспектировал все аулы и выявил признаки, классифицирующие их по категориям:

— 1 категория — ситуация, когда ногайцы постепенно осваивают земледельческий труд, но не имеют собственного жилья, а пользуются домами аула. Как заметил Главный пристав, таких аулов два в Ачикулакском Приставстве [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 776, л. 1];

— 2 категория — ситуация, когда население аула более приспособлено к оседлости, о чем свидетельствует наличие у них как жилья, так и хозяйственных приспособлений. Однако, по наблюдениям Пристава, обрабатывают землю, пашут и сеют хлеб лишь отдельные представители ногайцев. К данной категории следует отнести «некоторые аулы Трухменского и Ачикулакского Приставств» [Там же];

— 3 категория — ситуация, когда население в силу разных причин не видит преимуществ оседлого образа жизни и старается его избежать, сохраняя понятную им жизнедеятельность. Сюда Главный пристав относит все аулы Караногайского Приставства; в Ачикулакском Приставстве несколько аулов, в том числе и поселение по Бадрак-Кую ...» [Там же].

Для ускорения процесса перехода к освоению земли необходимо было знать обстоятельства, затруднявшие его развитие. В результате сбора Главным приставом соответствующих сведений были сформулированы причины: во-первых, ситуация, в которой многие ногойцы нанимались к крестьянам, была вызвана многолетними неурожами. Во-вторых, неурожай стал причиной падежа животных, что в свою очередь негативно повлияло на активное освоение и обработку земельных наделов. В-третьих, застой и отсталость земельных хозяйств были обусловлены отсутствием «поддержки и материальной помощи в неурожайные годы» [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 776, л. 2]. В то же время на развитии и ускорении процесса перехода к оседлости и освоения земледельческого хозяйства отрицательно сказались и социальные факторы. Так, представители бедного ногойского народа, проживающего в ауле Камыш-Бурун, обратились к главному приставу с жалобой на одноаульников, таких же несостоятельных и бедных, которые чинят препятствия в землепользовании и несправедливо распределяют землю для сенокоса: например, для себя за одним двором закрепляют 1 дес. надела, а для них — одну десятину за тремя дворами. Кроме того, «на каждом удобных участках ежегодно производят распашки, но нам же не позволяют пахать с посторонними лицами» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 769, л. 208].

Необходимо отметить, что в начале осуществления политики российского правительства по привлечению ногойцев к оседлости зажиточные кочевники являлись силой не только не поддерживающей, но и сопротивляющейся проводимым действиям. Однако с течением времени они все-таки увидели в ведении земледельческого хозяйства определенную экономическую выгоду и, соответственно, прибыль для себя, поэтому стали активнее участвовать в земельных отношениях. Как результат, в конце XIX столетия ногойцы уже подразделялись на оседлых, полuosедлых и номадов.

3.3. Итоги аграрной политики российских властей

Обобщая результаты российской аграрной политики среди ногойцев, важно отметить, что едишкульцы и джембойлуковцы вели полuosедлый образ жизни. Они занимались земледелием, но в ограниченных размерах. Скотоводство по-прежнему оставалось их основным занятием. В отличие от других ногойцев едишкульцы и джембойлуковцы селились в более или менее обставленных жилых и хозяйственных постройках. И. Л. Щеглов приводит следующие данные о наличии жилых построек у последних [Щеглов, 1910, с. 419].

Из таблицы следует, что у едишкульцев преобладали кибитки, хотя имелось значительное количество домов, а у джембойлуковцев постоянные жилые постройки превалировали над кибитками. В отчете за 1910 год по Ачикулакскому приставству указывалось, что оно занимает «простран-

Таблица 2

Общее число полуседлых ногайцев

Имущественный критерий	Едишкульцы	Джембойлуковцы
1. Не имеют никаких жилых строений	89	63
2. Имеют только кибитки	732	8
3. Имеют избы и дома, кроме кибиток (или кибиток не имеют вовсе)	508	477
Всего	1329	548

ство 207 140 десятин, Едишкульцы и Джембойлуковцы ведут кочевой образ жизни, Едисанцы перешли к оседлости. У джембойлуковцев имеется два поселенных аула. Камыш-Бурун — 11150 десятин, Ильяс — Кишлау — 245000 десятины. Всех ногайцев 18592 души, 71734 $\frac{1}{2}$ дес. отведено Едисанскому народу, а остальная степь пространством в 99,755 $\frac{1}{2}$ дес. состоит в нераздельном пользовании едишкульских и джембойлуковских ногайцев-кочевников» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2511, л. 135].

Необходимо указать, что аграрная реформа, проводимая на территории Кавказа, имела неоднозначный характер. Например, разный подход замечен в отношении ногайцев Северо-Западного Кавказа и степного Предкавказья. Земельные преобразования у первых носили сословный характер, что означало главенство местной знати при распределении участков (социальная иерархия в данном случае поддерживалась русскими властями). Однако при этом все население степного Предкавказья обеспечивалось землей одинаково, из расчета 30 десятин на одного представителя мужского пола, без учета общественной иерархии, хотя в этой части региона проживали мурзы.

Жители степного Предкавказья, в отличие от других общин, имели оброчные земли. А появление оброчных статей было обусловлено тем, что земля отдавалась в пользование бывшим кочевникам для поместного поселения. Определение размеров земельных наделов находилось в ведении властей и регулировалось на уровне закона. Следовательно, территория, оставшаяся нераспределенной, образовывала земельный фонд. Так называемые земельные «излишки» через торги сдавались в аренду, средства от которой пополняли общественный капитал. Так возникло и получило развитие явление оброчных статей.

Таким образом, деятельность российских властей, реализующих в XIX столетии политику вовлечения ногайского этноса в освоение оседлого образа жизни, по-разному оценивалась авторами-исследователями дореволюционного и новейшего времени. Например, известный знаток

ногайской истории и этнографии С. В. Фарфоровский писал, что причина несостоятельности проводимых мер видится в «беспечности ногайца, его неумелости, малой приспособленности почвы для земледелия» [Фарфоровский, 1909, с. 10]. Согласно мнению видных авторов обобщающего исследования «Ногайцы» (1988 год), считается, что постоянные поселения у них появились с середины XIX века. «В конце прошлого столетия едсанцы и частично джембойлуки уже вели оседлый образ жизни» [Калмыков и др., 1988, с. 47]. Это свидетельствует о том, что старания российских властей в самом начале не были абсолютно успешны.

Значимым является тот факт, что ногайцы стали возводить свои саманные жилища по образцу русских домов к 1860-м годам, но при этом в обозначенный период в их жизнеустройстве сохранялись признаки ведения кочевого образа (наличие кибитки одновременно с домом). Данное обстоятельство указывает на то, что определение времени начала постоянного обращения ногайцев к земледелию не вызывает сомнений.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, подводя некоторые итоги деятельности российской администрации по реализации процесса перехода ногайского этноса к оседлому образу жизни, необходимо отметить трудности, обусловленные тем, что ногайский уклад жизни, формировавшийся на протяжении столетий, с трудом поддавался изменениям, что отрицательным образом сказалось на начальном этапе привлечения народа к оседлости. Так, российская администрация была вынуждена поддерживать финансами (вспомогательные кассы, безвозмездная материальная помощь) номадов-кочевников, желающих изменить образ жизни, поскольку зажиточные ногайцы не собирались переходить к оседлости, следовательно, не выделяли средства для осуществления процесса. Именно беднейшая часть этноса первой приняла оседлую жизнь, но при этом полученные наделы отдавала в аренду практически за бесценок. Сложившуюся ситуацию усугубляло то, что ногайский народ не имел опыта, навыков ведения земледельческого хозяйства.

Одним из способов реализации аграрной политики российские власти рассматривали и административный нажим. Так было в случае с Канглыным кубом Ачикулакского приставства. В то же время влияние российской администрации сказалось и на изменении арендных условий, приобретших экономическую направленность и ставших более выгодными для номадов. Вместе с тем, несмотря на трудности осуществления земельной реформы, цели российским правительством были достигнуты. Так, на рубеже XIX—XX столетий значительная доля представителей ногайской общины перешла к постоянному ведению земледелия и ско-

товодческого хозяйства. Другая же, количественно меньшая доля ногайского населения, сохранила кочевой образ жизни, однако отказалась от перемещения на большие расстояния. Обозначенные факторы позволяют утверждать, что на данном этапе развития ногайская община подверглась значительным изменениям: патронимия, основанная на родственном начале, уступила место соседской общине с сохранением сильных родовых пережитков.

Источники

1. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1870; Ф. 249. Оп. 2. Д. 94 а, Д. 218, Д. 872, Д. 1619 а, Д. 2511.
2. Прозрителев Г. Н. Гибнущий народ / Г. Н. Прозрителев // Материалы фондов Ставропольского государственного краеведческого музея. Ф. 2. Д. 61.

Литература

1. Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа / П. А. Гаврилов // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). — Тифлис, 1868. — Выпуск 2. Отд. 7.
2. Калмыков И. Х. Ногайцы : Историко-этнографический очерк / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев. — Черкесск : Ставропольское книжное издательство : Карачаево-Черкесское отделение, 1988. — 230 с. — ISBN 5-7644-0241-7.
3. Магомаев В. Х. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI — начале XX в. / В. Х. Магомаев, Д. С. Кидирниязов. — Грозный : Издательство АН ЧР, 2017. — 399 с. — ISBN 978-5-9909802-3-5.
4. Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии / В. П. Невская // Труды КЧНИИ. — 1959. — Выпуск 3. Серия историч.
5. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии : Историко-этнографический очерк / С. В. Фарфоровский. — Тифлис : Типография П. П. Козловского, 1909. — 34 с.
6. Щацкий П. А. Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России / П. А. Щацкий. — Ставрополь : [б. и.], 1970. — 410 с.
7. Щеглов И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х т. / И. Л. Щеглов. — Ставрополь, 1910—1911. — Т. 1.

Material resources

Prozritelev, G. N. The dying people. *Materials of the funds of the Stavropol State Museum of Local Lore. F. 2. D. 61.* (In Russ).
The State Archive of the Stavropol Territory (hereinafter — GASK). F. 101. Op. 4. d. 1870; F. 249. Op. 2. D. 94 a, d. 218, d. 872, d. 1619 a, d. 2511. (In Russ).

References

Farforovsky, S. V. (1909). *Nogais of Stavropol province: Historical and ethnographic essay.* Tiflis: Printing house of P. P. Kozlovsky. 34 p. (In Russ).
Gavrilov, P. A. (1868). The device of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus. In: *Collection of information about the Caucasian highlanders (hereinafter — SSKG), 2 (7).* Tiflis. (In Russ).

- Kalmykov, I. H., Kereitov, R. H., Sikaliyev, A. I. (1988). *Nogaytsy: Historical and ethnographic essay*. Cherkessk: Stavropol Book Publishing House: Karachay-Cherkess branch. 230 p. ISBN 5-7644-0241-7. (In Russ).
- Magomayev, V. H., Kidirniyazov, D. S. (2017). *Nogais in the North Caucasian historical process in the XVI — early XX century*. Grozny: Publishing House of the Academy of Sciences of the Czech Republic. 399 p. ISBN 978-5-9909802-3-5. (In Russ).
- Nevskaya, V. P. (1959). Land reform and abolition of serfdom in Circassia. *Proceedings of the KCHNII, 3. Historical series*. (In Russ).
- Shchatsky, P. A. (1970). *Some issues of socio-economic development of south-eastern Russia*. Stavropol: [b. i.]. 410 p. (In Russ).
- Shcheglov, I. L. (1910—1911). *Trukhmen and Nogais of Stavropol province: In 4 volumes, 1*. Stavropol. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 10.08.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.